

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Легенды

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Легенды / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
225 с.

ISBN 978-5-519-95150-0

Содержание. Майя; Баймаган; Лебедь Хантыгая; Слезы царицы; Сказание о сибирском хане, старом Кучюме

ISBN 978-5-519-95150-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

М А Й Я.

I.

Шумъ жестокой сѣчи стихалъ... Разбитый па голову непріатель бѣжалъ, оставивъ побѣдителю родной городъ Гунхой. Часть побѣдителей порывалась въ погоню, безъ пощады убивая всякаго, а другая часть, съ ханомъ Сарымбэтъ во главѣ, готовилась занять открытый городъ. Издали это былъ настоящій пчелиный сотъ изъ низенькихъ бѣлыхъ домиковъ съ плоскими кровлями, глухими бѣлыми стѣнами и узкими грязными улочками. Отдѣльно возвышались куполы мечетей и стройныя иглы минаретовъ, отдѣльно стоялъ дворецъ бѣжавшаго хана Олоя, потопившій въ зелени садовъ.

— Плѣнныхъ не будетъ,—говорилъ молодой ханъ Сарымбэтъ, подъѣзжая къ городскимъ воротамъ.—Побѣду даетъ Аллахъ.. Городъ будетъ могилой для тѣхъ, кто былъ нашимъ врагомъ больше ста лѣтъ. Развалины покажутъ нашимъ

потомкамъ, какъ мы умѣли мстить нашимъ врагамъ. Илѣнныхъ не будетъ, а побѣду даетъ Аллахъ.

Красивъ ханъ Сарымбѣтъ, молодъ, полонъ отваги, настоящій молодой левъ, который въ первый разъ отвѣдалъ горячей крови. Но жестокія слова сказалъ не онъ, а ихъ придумала старая голова главнаго ханскаго совѣтника Кугэй. Беззубый старикъ точно для того прожилъ восемьдесятъ лѣтъ, чтобы внушить молодому хану жестокія слова.

— Такъ нужно, ханъ, такъ нужно,—шамкаль старикъ, едва держась въ своемъ мягкомъ сѣдлѣ.—Аллахъ даетъ побѣду, но нужно умѣть ею воспользоваться... Не даромъ наша кровь лилась цѣлыхъ сто лѣтъ. Огонь гасятъ огнемъ, а кровь кровью.

Хищный старикъ замѣтилъ колебаніе въ лицѣ молодого хана, въ его глазахъ мелькнула жалость, и Кугэй залилъ ее лдомъ своихъ старыхъ словъ.

Молча махнулъ рукой ханъ Сарымбѣтъ, и тысячи всадниковъ ринулись грабить беззащитный городъ, въ которомъ оставались старики, женщины и дѣти. Съ гикомъ неслась страшная смерть... Въ городѣ некому было даже защищаться, а только протягивались беззащитныя

руки съ мольбой о пощадѣ. Но ханское слово законъ, и пустѣли одна улица за другой, каждый шагъ впередъ усѣянъ былъ трупами, а по канавамъ лилась кровь какъ вода. Кто умиралъ подъ ударомъ сабли, кто былъ приколотъ пиками, многіе растоптаны лошадинымъ копытомъ, а дѣтей разбивали головками о каменные стѣны родныхъ домовъ. Это была настоящая бойня, цѣлый адъ... Тысячи людей столпились на базарѣ, въ мечетяхъ и около мечетей—ихъ и убивали тысячами, точно человѣческую жизнь косила острая коса, а смерть висѣла въ воздухѣ.

Ханъ Сарымбэтъ смотрѣлъ на побоище изъ своей ставки и слышалъ только отчаянные вопли, заглушаемые веселымъ гиканьемъ побѣдителей. Восточная часть города уже горѣла и некому было тушить огонь. Показалось облако дыма и въ противоположной сторонѣ.

— Я хочу видѣть городъ,—заявилъ ханъ Сарымбэтъ.

Старый Кугэй нахмурился, но спорить не смѣлъ.

Ханъ Сарымбэтъ вѣзжалъ въ Гунхой, окруженный блестящей свитой, точно всходило утреннее солнце. Несчастный городъ былъ заваленъ трупами, залитъ кровью, лютое пламя довершало жестокое дѣло человѣческихъ рукъ

Не смущалось сердце хана пыломъ кровавой сѣчи, когда онъ летѣлъ впереди другихъ, а тутъ и онъ задумался, когда рѣдкой красоты его боевой конь началъ храпѣть и шарапиться въ сторону при видѣ теплыхъ труповъ. Убитые старики, женщины и дѣти загораживали дорогу. Бѣлыя стѣны сбитыхъ изъ глины домиковъ были обрызганы кровью. Лошадь хана фыркала и дрожала. Самъ ханъ Сарымбѣтъ опустилъ голову, пораженный страшной картиной всеобщаго избіенія. А тамъ—заваленный трупами базаръ, площадь передъ мечетью... трупы, трупы и трупы.

Оставался не тронутымъ одинъ ханскій дворецъ, оцѣпленный стражей. Въ немъ было тихо, какъ въ могилѣ.

— Ёдемъ назадъ,—сказалъ Кугэй.

Но тутъ случилось что-то необыкновенное. Изъ дворца вырвалась цѣлая толпа женщинъ и бросилась навстрѣчу молодому побѣдителю. Онѣ бѣжали съ распущенными волосами, обезумѣвъ отъ страха, бросались ницъ, моля о пощадѣ. Другія хватались за стремяна и цѣловали ханскія ноги, полы его халата, его кривую саблю.

— Бей!—скомандовалъ Кугэй.

Началось избіеніе... Это было самое ужасное, что только видѣлъ ханъ Сарымбѣтъ. Женщинъ и дѣтей топтали лошадьми, рѣзали и кололи.

Видъ этой рѣзни отуманилъ и его голову. Вѣдь эти женщины—матери, жены, сестры и дочери его исконныхъ враговъ, онѣ родили проклятое племя Гунхой, онѣ призываютъ своими воплями и слезами только свою безсильную ненависть къ нему, онѣ, вотъ эти женщины, выкололи глаза его дѣду, попавшемуся въ плѣнъ, т. е. ихъ бабушки, онѣ народятъ еще несмѣтное число его враговъ, а счастье переменчиво. Впередъ!.. Ханскій конь врѣзался въ живую толпу, а ханская сабля косила головы направо и налево. О, развѣ можетъ быть счастье больше, какъ видѣть поверженнаго въ прахъ своего злѣйшаго врага и наслаждаться его предсмертнымъ хрипѣньемъ... Впередъ! Бей! Плѣнныхъ не будетъ...

Ханскій скакунъ вылетѣлъ впередъ и вынесъ его къ дворцу. Вотъ оно, это проклятое гнѣздо. Ханъ Сарымбетъ въ пылу погони на конѣ въѣхалъ прямо во дворецъ. Здѣсь тоже было много женщинъ... Однѣ лежали ницъ, другія, стоя на колѣняхъ, поднимали кверху маленькихъ дѣтей... Нѣтъ никому пощады! Кугэй ворвался во дворецъ слѣдомъ за ханомъ, и началась страшная рѣзня.

— Бей... бей... бей...

Въ одной изъ дальнихъ комнатъ дворца ханъ увидѣлъ сидѣвшую на коврѣ молодую женщину

поразительной красоты. Она сидѣла, обнявъ колѣни руками, и не шевелилась, не молила о пощадѣ, не плакала, а съ достоинствомъ ждала своей смерти. Старый Кугэй, задыхавшійся отъ кровавой работы, подбѣжалъ къ ней и уже замахнулся саблей, но ханъ Сарымбэтъ протянулъ руку.

— Кто ты, женщина?—тихо спросилъ онъ.

— Я—Майя.

Она даже улыбнулась и злобно посмотрѣла на него своими темными, какъ ночь, глазами. Кугэй скрежеталъ зубами отъ ярости, а ханъ Сарымбэтъ сдѣлалъ уже знакъ, что даруетъ жизнь смѣлой женщинѣ, позабывъ собственный приказъ о всеобщемъ истребленіи.

II.

Городъ Шибэ торжествовалъ, ожидая возвращенія побѣдителей. Да, проклятое племя Гунхой было уничтожено, городъ Гунхой срытъ до основанія, и не осталось въ немъ камня на камнѣ. Такова воля Аллаха... Племя Шибэ и племя Гунхой враждовали издревлѣ, какъ враждуетъ собака съ волкомъ, и вотъ свершилось то, чего не могли предугадать самые умные. Гунхой нѣтъ, а есть Шибэ...

Возвращавшійся въ свою столицу ханъ Сарымбэть былъ встрѣченъ, какъ молодой мѣсяцъ. Многотысячная толпа ликовала, вездѣ горѣли веселые огни, слышались веселыя пѣсни и клики радости.

— Да живетъ ханъ и да радуется ханское сердце!..

Грустенъ возвращался одинъ старикъ Кугэй. Воля Аллаха не была исполнена и ханское слово измѣнило самому себѣ. Много добычи взяли съ собою войска, и великая радость ожидала ихъ у себя дома. Но старого Кугэя беспокоила плѣнница, которую везли вмѣстѣ съ добычей къ Шибэ. И для чего она понадобилась хану Сарымбэть? Развѣ не стало у него своихъ женщинъ: тридцать женъ, тридцать прислужницъ—можно еще столько же добыть. Такъ нѣтъ, увидѣлъ Майю и везетъ ее къ себѣ, точно сокровище.

— Майя была наложницей Олой-хана,—шепталъ Кугэй хану Сарымбэть, чтобы возбудить въ послѣднемъ чувство ревности.

— Знаю... коротко отвѣчалъ молодой ханъ.— Ты можешь прибавить, Кугэй, что Майя во дворецъ Олой-хана попала уже не дѣвушкой. Она попала плѣнницей... Ея мужъ—степной батырь.

— Ея мужъ, ханъ?.. Вотъ цвѣтокъ разцвѣ-

тасть въ полѣ и даетъ плодъ, — развѣ у него есть мужъ?.. Не одинъ батырь былъ у Майи... Она переходила изъ рукъ въ руки, какъ старая монета.

— Старыя золотыя монеты ты самъ любишь Кугэй... смѣялся ханъ. — Онѣ имѣютъ только одинъ недостатокъ, именно, принадлежать только тому, кто ихъ держать въ рукахъ.

Шибэ веселился, а Майя сидѣла въ ханскомъ дворцѣ и горько плакала. Да, у нея теперь явились и слезы... Зачѣмъ она не умерла вмѣстѣ съ другими?.. Страшно жить... Она часто просыпалась ночью и вздрагивала: предъ ея глазами проносилась ужасная картина. Отчаянный крикъ матерей, защищавшихъ своихъ дѣтей, стоны раненыхъ, мольбы о пощадѣ и смерть, смерть, смерть...

У Майи было свое отдѣльное помѣщеніе во дворцѣ, куда никто не смѣлъ входить, кромѣ хана Сарымбэть. Да, онъ пришелъ къ ней, но не какъ къ плѣнницѣ, а какъ слуга.

— Не нужно-ли тебѣ чего-нибудь, Майя? У тебя заплаканные глаза... Можетъ быть, съ тобою дурно обращаются?..

Майя сдѣлала отрицательное движеніе головой.

— Можетъ быть ты оплакиваешь хана Олой?—
тише спросилъ Сарымбэть.

— Нѣтъ...

— Что же тебѣ нужно?..

— О, еслибы у меня было столько глазъ, сколько у ночи звѣздъ, то и тогда я не выплакала бы всего своего горя... Вотъ ты радуешься, ты счастливъ, а мнѣ тебя жаль. Оставь меня съ моимъ горемъ... Тебѣ—радость, мнѣ—горе.

— Знаю, ты оплакиваешь своего батыря!—гнѣвно сказалъ Сарымбѣтъ.—Женщина принадлежитъ только тому, кто первый ее взялъ... И всей крови пролитой въ Гунхоѣ не хватитъ на то, что бы смыть съ тебя одно имя твоего батыря. Я все знаю, Майя...

— Убей меня, ханъ! Я желаю умереть...

Заскучалъ молодой ханъ Сарымбѣтъ, и ничто ему не мило. Такъ и тянетъ его къ Майѣ, а пришелъ туда и—словъ нѣтъ. Чужими глазами она смотрѣла на него... Не то ему было нужно. Самому себѣ удивляется ханъ Сарымбѣтъ,—такъ приворожила его полонянка Майя. Да, и ночью онъ ее видитъ, и протягиваетъ руки, и говорить ласковыя слова, а днемъ смѣлость оставляетъ его, и ханъ бродитъ по своимъ садамъ, какъ потерянный. Не миль ему и собственный дворецъ, не милы и любимыя жены, и охота, и всякія другія удовольствія. Ничто не мило хану и хо-

дить онъ по собственному дворцу, какъ тѣнь.

— Майя... Майя...

Иногда онъ сердится на нее, припоминая ея батыря и хана Олая. Да, ты вотъ кого любила, Майя... Ты думаешь о своихъ любовникахъ. О, змѣя, змѣя... Мало было убить тебя, а нужно замуровать живой въ стѣну. Нужно отрубить руки, обнимавшія батыря, вырвать языкъ, лепетавшій любовныя слова, выколоть глаза, глядѣвшіе на хана Олая ласково... вырвать живымъ это змѣиное сердце, бывшее для другихъ! — И много такихъ жестокихъ мыслей роится въ головѣ хана, а увидить Майю, оробѣть самъ, чувствуя, какъ безсилѣть тѣло и путаются мысли въ головѣ.

— Ты меня спрашивалъ, что мнѣ нужно,— проговорила однажды Майя, глядя на него своими темными глазами.— Да, мнѣ нужно... Когда я умру, похорони меня въ степи, въ вольной степи, гдѣ гуляетъ вольный степной вѣтеръ... Есть тамъ озеро Кара-Куль, на его берегу похорони меня. Не нужно мнѣ ханской могилы, не нужно тяжелыхъ камней на могилу.

— Все будетъ исполнено, Майя, но зачѣмъ ты говоришь о смерти?..

— О, я скоро умру, ханъ... я знаю это.

И опять молчитъ Майя, только смотреть на